

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ТОМ I № 5

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1944 MOSCOU

С. Н. ВАЛК

И. А. БЫЧКОВ

(19 августа 1858 г. — 23 марта 1944 г.)

23 марта 1944 г. скончался в Ленинграде на 86 году жизни член-корреспондент Академии Наук СССР Иван Афанасьевич Бычков. Как бывают люди «одной книги», люди, вся жизнь которых связана с одной темой, последовательно и разносторонне развиваемой в целом ряде трудов, составляющих литературную биографию ученого, так и про Ивана Афанасьевича Бычкова можно сказать, что он был человеком «одного учреждения», работа в котором стала делом всей жизни Ивана Афанасьевича и в то же время оказалась одним из выдающихся явлений в истории русской науки.

В феврале 1881 г., тотчас после окончания юридического факультета Петербургского университета, И. А. поступил «библиотекарем» Рукописного отделения тогдашней Императорской Публичной библиотеки в Петербурге (теперь — Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина). Здесь он стал преемником должности своего отца, академика Афанасия Федоровича Бычкова. Афанасий Федорович начал свою службу в Рукописном отделении 15 марта 1844 года, Иван Афанасьевич кончил свою службу 23 марта 1944 г., — в день своей смерти. Таким образом больше ста лет Рукописное отделение находилось в ведении Бычковых, причем почти всю первую половину этого столетия, вплоть до 1891 г., когда Иван Афанасьевич получил помощника, каждый из Бычковых был единственным служащим Рукописного отделения и нес на себе одном всю работу, — и научную и элементарно-техническую. Оценить этот вековой труд Бычковых возможно, лишь сопоставив то, что представляло собой Рукописное отделение до 1844 г., и то, чем оно является в настоящее время. В нашем распоряжении имеется доклад тогдашнего директора Публичной библиотеки, столь памятного в истории русского просвещения Бутурлина, министру народного просвещения. По словам Бутурлина, в 1843 г. в Рукописном отделении занято было рукописями 505 полков. Из них рукописи, расположенные на 283 полках, т. е. почти $\frac{3}{5}$ всего рукописного собрания библиотеки, до тех пор никем тронуты не были и даже не было известно, на каком языке они написаны, а рукописи других 60 полков были разобраны по языкам, однако их содержание не было еще никак определено. Только 162 полки, т. е. менее $\frac{1}{3}$ всего состава рукописей, были так или иначе описаны и приведены в известность. Как видим, состояние рукописей было таково, что директор библиотеки не в состоянии был указать даже число их (оно указано только для описанных 1356 на 73 полках) и вынужден был признать утерю некоторых рукописей вследствие такого беспорядочного состояния библиотеки. Достаточно сопоставить с этими данными впечатления многих и многих из тех, кому в лице нескольких последних поколений ученых приходилось работать в Рукописном отделении Публичной библиотеки. Все богатейшее рукописное собрание библиотеки было

приведено в известность; регулярно выходившие каждый год отчеты с работе Рукописного отделения, в которых помещались точные сведения о вновь поступивших рукописях (а их бывало по несколько тысяч за год, например в 1884 г.—4216, в 1887 г.—8915, в 1888 г.—5801 и т. д.), давали возможность привлечь к изучению все только что поступившие в Рукописное отделение новые рукописи.

Эти отчеты И. А. Быčkova по Рукописному отделению поражают читателя разносторонностью, богатством и точностью включенных в состав описания каждой рукописи сведений. Рукописи—на разных языках, по самым разнообразным предметам русской и мировой истории и литературы, науки и искусства, изучались И. А. Бычковым лист за листом, определялись в каждой своей составной части, и читатель получал в готовом виде те сведения о характере, предметах и значении рукописей, установление которых потребовало бы от другого ученого длительной, а иногда и бесплодной работы, так как среди современников И. А. Быčkova вряд ли можно было найти другое лицо, которое обладало бы таким же неисчерпаемым запасом знаний в областях, связанных с изучением рукописей нашего средневековья и нового времени. Обширнейшие материальные знания в области науки, литературы и искусства сочетались у И. А. Быčkova с исключительнейшим интуитивным чутьем рукописи, точнейшим и тончайшим восприятием всех малейших палеографических, графических и тому подобных ее особенностей. Это давало И. А. возможность безошибочно и быстро определять рукопись с самых разнообразных ее сторон и времени и места ее происхождения и ее автора. Знание почерков зачастую сравнительно мало известных авторов и легкость, с которой их определял И. А. Бычков, поражали лиц, даже имевших немало дела с рукописями.

В течение последних шестидесяти с лишним лет в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде пришлось работать в то или иное время, вероятно, всякому историку или историку литературы и успехом в своей работе эти многочисленнейшие ученые были в весьма значительной мере обязаны именно И. А. Бычкову. Обладая феноменальной памятью, И. А. Бычков помогал посетителям Рукописного отделения рядом ценнейших библиографических и других указаний и справок. Еще в большей мере ученый посетитель бывал обязан И. А. Бычкову за проявляемую им заинтересованность в успехе ведущейся в Рукописном отделении работы. Не раз И. А. преподносил занимающемуся рукописи, о наличии которых в Рукописном отделении тот даже и не подозревал. Вот почему оказывались столь неизменными выражения всяческой благодарности И. А. Бычкову в многочисленнейших работах, в той или иной мере связанных с сокровищами, хранящимися в Рукописном отделении Ленинградской Публичной библиотеки.

Этой самоотверженной работе ученого хранителя драгоценнейших рукописных сокровищ И. А. Бычков принес в жертву открывшуюся для него возможность пойти, после окончания Петербургского университета, по пути научно-исследовательской деятельности в родном ему университете. И. А. Бычков являлся старейшим членом Археографической комиссии, здесь его деятельность выразилась в издании актов Копенгагенского архива и кабальной книги в «Летописи занятий Археографической комиссии». В еще большей мере И. А. был занят работой по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого», начатой его отцом, акад. А. Ф. Бычковым. Более четверти века трудился А. Ф. Бычков над собиранием находившихся нередко у частных лиц писем и бумаг Петра Великого и над подготовительными работами к их изданию. Напечатанные под его редакцией с обширными примеча-

ниями 4 больших тома «Писем и бумаг Петра Великого» объемом более 272 печатных листов содержат в себе драгоценнейший материал. На продолжение этой работы И. А. Бычков смотрел, очевидно, как на сыновний свой долг и издал V—VII тт. «Писем и бумаг».

Общий список работ И. А. Быčkoва, составленный им самим и остающийся, к сожалению, до сих пор лишь в рукописи, включает более ста названий, связанных главным образом с описанием и изданием материалов Рукописного отделения. Некоторые из этих работ представляют собой обширные тома, которые ввели в ученый оборот громадные и ценнейшие собрания рукописей, как, например, собрания Богданова, Краевского и др. Однако в истории науки роль ученых, находящихся в положении, аналогичном положению И. А. Быčkoва, определяется не только количеством их личных работ, а прежде всего тем, в какой степени возглавляемое ими учреждение сумело послужить своим материалом делу развития научных изысканий и исследований. Без преувеличения можно сказать, что столетняя деятельность отца и сына, А. Ф. и И. А. Бычковых создала большую культурно-историческую ценность в виде теперешнего Рукописного отделения Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, которое стало одним из важнейших источников для плодотворного развития русской исторической и историко-литературной наук. Это — научный подвиг Бычковых, благодарная память о котором надолго сохранится в летописях русской науки.
